

Той, которая — мой свет

Прости меня, я в первый раз живу,
От этого ошибка за ошибкой...
В романе жизни новую главу
Читаю до сих пор с надеждой зыбкой:

Переверну очередной листок,
И всё у нас наладится, притрётся...
Уже усвоил я, что мир жесток,
Но нам двоим он точно улыбнётся!

Подарит радость, чтобы — через край...
Не растерять бы только веру в это.
— Я в первый раз живу, не укоряй,
А сядь поближе, не хватает света.

Скулил щенком сквозняк из подворотни,
 Порой переходя на сиплый лай,
 Скрипя по рельсам, на печальной ноте
 Напев ямщичий выводил трамвай.

Синица голос пробовала звонко,
 Копила воду первая капель,
 Седым крылом задев, сизоворонка
 Избавила от мокрой шубы ель.

Скользнула, охнув, белая одежда
 И, лапами приветливо качнув,
 Шепнула ель мне:
 — Не теряй надежды,
 Даже идя, казалось бы, ко дну.

Март наступал.
 Шуршащая позёмка,
 Как «Эскимо», облизывала наст,
 А чудилось — бумагу нервно комкал
 Поэт, не подобранный нужных фраз.

С другом

— Я шёл, мой друг, предела не встречал, Как, впрочем, я не видел и начала, Вот умер человек, геройски пал, А смерть его бессмертьем увенчала.	У бочки с пивом я уразумел: Вот верх, переверни бочонок — днище! А вот росточек кедра, как он мал! Но как уже далёк он от начала... Вот волны, что разбились о причал, А вот суда — уходят от причала.
— Всему начало есть и есть предел... — Так это же синонимы, дружисе!	

Старик-комсомолец

Недавно последний старик Навек уходил из деревни. За гробом «кортеж» невелик — Бабульки идут, полудремлют.	Они и пошли, как один, Детишки ещё в добровольцы... Никто не дожил до седин, Егор лишь всю жизнь комсомольцем.
Но вот, ободрилась одна, Слезу промокнула подолом: — Когда полыхнула война, Егор заправлял комсомолом.	И пахарь, и жнец, и кузнец — Один на деревню мужчина... А, вишь, износился вконец — Ни дочери рядом, ни сына.

— Я, бабоньки, их не виню,
Они там, поди, и не знают,
В столичную их толкотню
Известья не враз долетают...

Ушёл комсомолец-старик,
Бабулькам недолго осталось...

И скрип журавля, будто крик,
Деревня с собою прощалась.

Такие теперь времена —
Поля и покосы пустуют...
И кажется, будто страна
С корнями своими воюет.

Банька по-чёрному

Ах, это блаженство, услада!
Такого бы счастья — по гроб,
Из душного тёмного ада
Нырком кувыркнуться в сугроб.

Вдохнув обжигающей стужи —
В предбанник, и квасу: взахлёб!
Но не из стаканов да кружек —
Из ковшика банного чтоб...

И снова в объятия ада,
Нет, рая земного, ей-ей!

Куда там эдемскому саду —
Здесь всё, как у добрых людей:

Кедровая шаечка, веник,
Полок, можжевелевый дух,
Из каменки жар: — На колени,
На голову дедов треух!

— Ну, зверствует веник, однако —
Не семь, а семнадцать потов
Согнал он с меня, забияка,
Но я улыбаюсь — здоров!

* * *

Снежинки усеяли кроны,
Где была листва — кружева,
Бело, лишь в распадах укромных
Рыжеет местами трава.

И благостно ранней зимою,
И грустно, что птах не слышать,

Ручей-говорун под сосною,
Утихнув, готовится спать.

Мой край, полусонное царство,
Снегами укрыться спешит
От нового русского барства,
А кажется — в коме лежит.

Рябинкина осень

Пока далече зимние метели,
Ноябрь не время лютых холодов,
Но утром налетели свиристели,
Невзрачные предвестницы снегов.

Пошарились хозяйками в ограде,
Рябину подчистую обнесли...

И неприглядно стало в палисаде,
Но ветви вверх подались от земли.

Пускай ноябрь, пусть меньше стало света —
Подарит солнце толику тепла...
Рябинка вспомнит и начало лета,
И день, когда впервые расцвела.

В струях дождя
Слышался свист
Пущенных ангелом стрел...
Пел уходя
Август-солист.
Господи, как он пел!

Ноги колот
Острым ножом
Хрусткий сентябрьский лёд...

Месяц прошёл —
Бег и прыжок!
Боже, какой полёт!

Мне бы суметь
Стрелы дождя
Слушать и песни петь,
Прыгнуть — взлететь!..
Шутит сентябрь:
— Нужно вдвоём хотеть.

Не знаю

Всегда в цене душевное тепло,
Гостеприимство пользуется спросом...
Вот злоязычью меньше повезло,
Враждебность, хамство тоже под вопросом

Для всех живущих на святой Руси,
Для каждого, кто любит эту землю.
Пусть выпало невзгод — косой коси,
Всё Божьим изволением приемлют.

Да молятся, чтоб не было войны,
Да пояса затягивают туже,
Крестом отгородясь от сатаны,
А силой — от бряцающих оружием...

Из века в век идёт, из года в год
Народ, иной Отчизны не желая,
Не сладко ест, порою горько пьёт...
И я «другой такой страны не знаю»!

Да, Вы любили не меня,
А я, чтоб Вас к себе приблизить,
Бросал всему на свете вызов,
Порой любовь свою кляня
За обрётённый непокой,
Желанье стать необходимым...
Но, покорённая не мной,
Вы гордо проходили мимо.

Я обогрелся у огня.
Костёр не мне предназначался,
Но свет в моей душе остался,
Пусть Вы любили не меня.
Я до сих пор живу мечтой
И лучшей доли не желаю....
За то, что были не со мной,
Мой ангел Вас оберегает.

Да, Вы любили не меня,
Даря лишь толику участия,
А я считал и это счастьем,
Навеки добрый свет храня.

Вы на лиловый небосклон
Ежевечерне восходили...
Любил! И низкий Вам поклон
Уже за то, что не любили.

Станция Половина

По станции с названьем Половина
Я много раз транзитом проезжал,
Но лишь сегодня взгляд случайно кинул
На неприметный старенький вокзал,

Корнями прочно вросший в эту землю —
Усталый мужичок-сибирячок
Давно в пути, присел и тихо дремлет...
Составы мчат «Москва — Владивосток»,

Другие поезда от океана
Торопятся на запад, за Урал:
Курьерские, с вагоном-рестораном,
Товарные, какие-то с охраной...
Встречает, провожает их вокзал,

Вздыхая: — Суета...
А сам спокоен,
Уверен, Половина — центр Руси.
Невидное местечко, да святое,
То, что в душе носить — не износить...

Хоть на минутку выйду из вагона,
На все четыре ветра поклонюсь,
А заодно вокзалу и перрону —
За благодать их, за умиротворённость
В мятущейся земле с названьем Русь.

Зарисовка

Последний гром раскачивает небо,
Последний дождь, безлюдные поля...
Лес пахнет прелью, избы свежим хлебом,
Что даровала матушка-земля.

Невидимым крылом коснулась ели,
И хвоя стала гуще и темней,
Осинка, с коей листья облетели,
Молчит, стесняясь наготы своей.

Пастух ещё выводит на отаву
Кормилиц небогатого села,
Речушке далеко до ледостава,
Но тень успокоения легла.

Под утро первый иней пал на травы —
Незванный, нежеланный, ранний гость...
Идёт, уходит август величаво...
Мне снова с ним проститься довелось.